

УДК 34.06

Правовое регулирование и правоустановительная техника: языковые приемы формулирования юридических предписаний

Капустина Мария Александровна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра теории и истории государства и права,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199026, Российская Федерация, Санкт-Петербург, В.О., 22-я линия, д. 7;
e-mail: m.kapustina@spbu.ru

Аннотация

Цель работы – обосновать, что унифицированность правового регулирования выражается в совокупности способов и средств воздействия на субъекты общественных отношений, т. е. в методе правового регулирования, и, соответственно, в правоустановительной технике, в частности в языковых приемах формулирования юридических предписаний.

Методология. Работа проведена в контексте методологии системного подхода в теории права, что позволило преодолеть исключительно юридико-логический метод исследования в сфере законодательной техники. Такого рода подход к исследованию правоустановительной деятельности в системе правового регулирования обеспечивает унифицированность законотворчества государства, формирование языковых приемов правоустановительной деятельности в контексте достижений других (неюридических) наук, в частности научных дисциплин о языке.

Результаты. В статье раскрывается проблематика современной правоустановительной деятельности, исследуются роль и значение языковых приемов законодательной техники в системе правового регулирования. Данная проблематика относится к предмету юридических исследований в области теории права и государства. Анализируются технико-юридические особенности изложения разных видов юридических норм. Результаты проведенного в статье исследования могут быть применены в области законодательного регулирования и правоустановительной деятельности органов государственной власти.

Заключение. В статье представлен вывод о том, что в целях унификации правового регулирования в рамках юридического института и обеспечения единообразия языковых приемов формулирования правовых предписаний методы законодательной техники должны охватывать общенаучные подходы, систему формально-логических

способов и конструкций, современные лингвистические (языковые) методы и принципы изложения общеобязательных предписаний.

Для цитирования в научных исследованиях

Капустина М.А. Правовое регулирование и правоустановительная техника: языковые приемы формулирования юридических предписаний // Вопросы российского и международного права. 2016. № 8. С. 27-38.

Ключевые слова

Теория права и государства, правовое регулирование, правоустановление, законодательная техника, юридические предписания, технико-юридические конструкции.

Введение

Правоустановление (законотворчество) как элемент системы правового регулирования во многом обусловлено социокультурным и политическим контекстом, языковой культурой, социальной структурой конкретного общества, поэтому не может и не должно носить произвольный характер. Правоустановительная деятельность законодателя осуществляется в едином правовом пространстве, потому требует последовательности (непротиворечивости) с точки зрения целей и принципов правового регулирования [Смирнова, 2015] и единообразия (унифицированности) в технико-юридическом аспекте, в частности требований, предъявляемых к языку правовых предписаний. Единство правового пространства вообще и унификация законодательного регулирования в частности обеспечивается деятельностью органов государственной власти, направленной на упорядочение и универсализацию нормативных предписаний в определенной сфере правового регулирования [Исаенкова, О тенденциях, 2015; Исаенкова, Концепция, 2015]. Унификация нормативных актов, как правило, производится в процессе объединения разрозненных нормативных актов, порой изданных в разное время и разными органами государственной власти, в консолидированные и кодифицированные акты. Такого рода деятельность должна ориентироваться на доктринальные положения о структурных взаимосвязях правовых отраслей, правовых институтов [Гущина, 2003, 201; Лебедев, 2002, 18]. Законодательство, объединяя нормативные акты, принятые в одностороннем порядке государственными органами, в большой степени подвержено влиянию субъективных факторов и обусловлено потребностями современной (текущей) юридической практики. В частности, это проявляется в формировании так называемых комплексных (специальных) кодексов, которые содержат нормы разной (с точки зрения предмета регулирования) отраслевой принадлежности, но имеют своей целью унифицированное регулирование какой-либо профессиональной деятельности (например, медицинской, предпринимательской, образовательной и т. п.).

Унифицированность правового регулирования и правоустановительной техники

Для правового регулирования имеют значение не все свойства и элементы общественных отношений, деятельности и действий субъектов права, а лишь юридически значимые. К ним можно отнести субъекты и объекты данных отношений, деятельности и действий, основания возникновения, изменения и прекращения отношений между субъектами; содержание, стадии (порядок), форму, цели деятельности и юридически значимых действий. Сходство (совпадение) общественных отношений (деятельности, действий) в юридически значимых признаках предполагает их унифицированное (однопорядковое) правовое регулирование. Унифицированность правового регулирования выражается в совокупности приемов, способов, средств воздействия на субъекты этих общественных отношений, деятельности, действий, т. е. в методе правового регулирования, и, соответственно, в правоустановительной технике, в частности в языковых приемах формулирования юридических предписаний.

Правовое регулирование может осуществляться тремя основными способами, которые соответствуют трем формам реализации юридических норм, а именно: запрет, предписание (позитивное обязывание, например, обязанность платить налоги), дозволение (например, предоставление права на образование). Запрет, предписание и дозволение представляют собой общие методы правового регулирования. Они определяют особенности структурных элементов юридических норм. Например, в гражданском праве, где преобладают дозволения, способом упорядочения гражданско-правовых отношений наиболее полно выступают взаимные права и обязанности участников гражданских правоотношений (т. е. формулируются диспозиции норм гражданского права), а также условия возникновения, изменения и прекращения гражданско-правовых отношений (т. е. устанавливаются юридические факты – содержание гипотез норм гражданского права). В уголовном праве доминируют запреты, поэтому здесь детально должны быть урегулированы составы преступлений (условия возникновения негативной уголовной ответственности, т. е., в этом смысле, содержание гипотез норм, определяющих уголовно-правовую ответственность) и соответствующие им меры уголовной ответственности (санкции уголовно-правовых норм).

Однако особенности регулируемых правом общественных отношений требуют помимо названных общих методов использования конкретных методов правового регулирования, прежде всего, императивного и диспозитивного, а также методов правовых поощрений и рекомендаций. Сочетание общих и конкретных методов правового регулирования позволяет государству в процессе правоустановления сформировать специфический метод отрасли законодательства, который включает в себя следующие основные элементы: отраслевые юридические принципы регулирования поведения субъектов (принципы государственно-правовой политики в данной сфере отношений), пределы государственного вмешательства в регулируемые данной отраслью общественные отношения, отраслевой состав субъектов

правоотношений, их правосубъектность, юридические факты, т. е. основания возникновения, изменения и прекращения отраслевых правоотношений, формы и способы реализации прав, обязанностей, а также юридическую ответственность участников данных правоотношений. В результате такого рода унификации метода правового регулирования поведения субъектов в рамках отрасли (института) права возможно добиться единообразия юридических терминов, понятий, технико-юридических конструкций, т. е. языковых приемов формулирования правовых предписаний в данной сфере государственно-правового регулирования¹.

Юридические институты как основание систематизации нормативно-правового регулирования и правоустановительной деятельности

Государственно-властное упорядочивание общественных отношений, юридически значимой деятельности индивидов на основе юридических институтов способствует систематизации, логическому упорядочиванию (непротиворечию) и эффективности нормативно-правового регулирования, обеспечивающего гражданам государственную защиту, включая возможность государственного принуждения [Мальцев, 2010; Капустина, 2014]. Со времен Р. Иеринга юридический институт рассматривается в качестве основного элемента правовой системы – юридической конструкции, позволяющей выявить и адекватно формализовать в законодательстве устойчивые (нормальные, типизировавшиеся) модели субъективных прав и юридических обязанностей участников правовых отношений [Иеринг, 1905, 20-23, 26, 29-30]. В качестве первичного элемента права юридическую конструкцию рассматривает и С.С. Алексеев, настаивая на том, что юридические конструкции отражают типичные, повторяющиеся в праве жизненные ситуации, конституируют (нормируют) модельное (типовое) построение правомочий, обязанностей, ответственности, гарантий, процедур [Алексеев, 2002, 242-244, 277-282]. Несомненно, юридический институт включает в свою структуру нормы (общие правила), как, впрочем, и любой другой социальный институт. При этом, по мнению Г.В. Мальцева, в правовой реальности обнаруживается некоторая «генеральная схема» взаимодействия субъектов – договор (соглашение) между сторонами правового отношения, отдельные виды которого представляют собой институциональное образование (схему, конструкцию), т. е. систему норм, например, институт международного договора, институт гражданско-правового договора, институт публично-правового договора, институт трудового договора и т. д. [Мальцев, 2010, 16-17].

Развитие системы норм права идет по пути формирования так называемых межотраслевых институтов. Обособление межотраслевых институтов связано с необходимостью

1 В частности В.М. Баранов считает использование большого числа двух оценочных понятий «иной» и «другой» в тексте одного законодательного акта технико-юридическим нарушением, так как это «создает непомерно широкую свободу усмотрения государственных органов и должностных лиц» [Баранов, 2015, 44].

унифицированного правового регулирования данной группы отношений (деятельности) независимо от отраслевой принадлежности отдельных видов отношений (деятельности), входящих в эту группу, например, институт юридической ответственности [Кропачев, 2006, 211, 217-218]. Комплексные (специальные) нормативные правовые акты направлены на регулирование не однородных, а разнородных общественных отношений: административных, финансовых, гражданских, трудовых, предпринимательских и т. д. Примерами могут служить законодательство о здравоохранении, транспортное законодательство, законодательство о науке, о культуре. Такие отрасли законодательства возникают в связи с необходимостью унифицированного комплексного юридического регулирования специфической (в ряде случаев профессиональной) сферы (вида) деятельности посредством сочетания норм разных отраслей права, а иногда, включая в статьи комплексного законодательства технические (технико-юридические) нормы. Для межотраслевых институтов характерно наличие общих понятий, терминов, специфических принципов и способов регулирования отношений, особых форм и порядка реализации прав и обязанностей сторонами правоотношений.

Юридические презумпции и юридические фикции как языковые приемы формулирования правовых предписаний

Одним из языковых приемов формулирования правовых предписаний является юридическая презумпция. В юриспруденции термин «презумпция» (от латинского *praesumptio* – предположение) используется прежде всего в двух значениях: для обозначения особого приема правоустановительной техники – конструкции юридического факта в тексте закона – и для формулирования правового принципа, например: принципа добропорядочности гражданина, принципа презумпции знания закона и др. Презумпция в широком понимании – это вероятностное суждение о наличии/отсутствии каких-либо фактических обстоятельств. Таким образом, презумпции используются в качестве языкового приема правоустановительной техники для конструирования юридических фактов-предположений, с точки зрения законодателя не требующих доказательств о наличии или отсутствии предметов, связей, явлений, основанных на связи между ними, и предметом, связями, явлениями наличными, подтвержденными жизненной практикой [Бабаев, 2000]. Однако в силу вероятностного характера презюмируемого факта законодатель допускает его опровержение и устанавливает юридические последствия такого опровержения. Например, согласно ст. 42 ГК РФ «Признание гражданина безвестно отсутствующим», по заявлению заинтересованных лиц гражданин может быть признан судом безвестно отсутствующим, если в течение года в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания. Однако, в соответствии со ст. 44 ГК РФ, в случае явки или обнаружения места пребывания гражданина, признанного безвестно отсутствующим, суд отменяет соответственно решение о

признании его безвестно отсутствующим. На основании решения суда отменяется управление имуществом этого гражданина.

А вот предписание, сформулированное в ст. 8 Закона РФ № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека», несмотря на название статьи «презумпция согласия на изъятие органов и (или) тканей», трудно рассматривать в качестве юридической презумпции. Данное правило могло быть юридической презумпцией, если бы в его основе лежало достоверное обобщение информации о согласии достаточно большого числа людей на изъятие органов и (или) тканей из их тел после смерти для трансплантации. Но на сегодняшний день в России нет официального реестра лиц, согласных на посмертное донорство; в Российской Федерации специальной отметки о согласии/несогласии на посмертное донорство в документе, удостоверяющем личность, или водительском удостоверении не предусмотрено [Капустина, 2015, 135-136].

Другим языковым приемом правоустановительной техники является юридическая фикция. Юридический факт, сформулированный при помощи конструкции фикции, может содержать большую или меньшую степень вероятности, но само признание какого-либо факта, явления, действия, состояния фикцией влечет сознательное отмежевание от их вероятности. А.В. Малько и Е.А. Роман определяют правовую фикцию «как прием, заключающийся в том, что действительность подводится под условную формулу, не имеющую реального содержания» [Малько, Роман, 2015, 16]. Фикция – одно из средств «перевода» реальности обыденной в реальность правовую. Юридическая фикция позволяет либо признать (легализовать) в качестве юридического факта несуществующие в действительности обстоятельства, свойства лица (субъекта права) или объекта права, либо, наоборот, формально-юридически исключить (не признать юридическим фактом) фактически существующие обстоятельства, свойства предметов, характеристики лиц, основания возникновения/прекращения субъективного права или юридической обязанности [Панько, 2000]. Например, согласно части второй ст. 435 ГК РФ, оферта связывает направившее ее лицо с момента ее получения адресатом. Если извещение об отзыве оферты поступило ранее или одновременно с самой офертой, оферта считается неполученной.

Заключение

Сложившимся, если не сказать, укоренившимся, в российской юриспруденции, считается положение о том, что теоретико-философское знание о правовом регулировании, в частности вопрос о принципах правоустановительной деятельности государства, является отчужденным от законодательного процесса как такового. В современном законодательстве (законодательной деятельности) продолжает преобладать юридико-логическая интерпретация правоустановлений вне связи с теоретико-правовым анализом норм, процедур,

отношений, регулируемых законом. В действительности же, помимо теоретико-правового знания о регулировании общественных отношений, для изучения проблем правоустановительной техники необходимо учитывать достижения других (неюридических) наук, в частности знания научных дисциплин о языке. С точки зрения эволюции права как социального феномена, направленного на упорядочение общественных отношений, правоустановительная техника вообще состоит в придании праву свойств системности, формальной определенности и структурированности. Правоустановительная техника не сводится только к законодательной (легалистской) технике обсуждения, принятия и обнародования (опубликования) нормативных актов. Языковые приемы и способы формулирования разных правовых предписаний (запретов, дозволений, правовых рекомендаций, правовых поощрений и др.), использование презумпций и фикций в правовом регулировании, норм-принципов – вопросы прежде всего правоустановительной техники. Так, в отличие от презумпций-фактов презумпции-принципы используются законодателем не для конструирования юридических фактов, не требующих доказательств, а для формулирования принципов правового регулирования тех или иных отношений, поэтому презумпции-принципы неправильно интерпретировать с точки зрения возможности их оспаривания. Например, презумпция невиновности в уголовном процессуальном праве Российской Федерации служит принципом распределения бремени доказывания вины обвиняемого и сформулирована в гл. 2 УПК РФ «Принципы уголовного судопроизводства».

Проблемы языковых приемов формулирования правовых предписаний должны исследоваться одновременно и с точки зрения общеправовых терминов и понятий, и с точки зрения специфических юридических понятий, используемых соответственно законодателем, судьей, прокурором, адвокатом, например, профессиональное арго сотрудников правоохранительных органов, и в аспекте терминов неюридических дисциплин, например, медицинских терминов. Методы правоустановительной (законодательной) техники должны охватывать общенаучные подходы, систему формально-логических способов и конструкций подготовки и написания текстов правовых актов и современные лингвистические (языковые) методы и принципы изложения общеобязательных предписаний.

Библиография

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001. 752 с.
2. Бабаев В.К. Презумпции в российском праве и юридической практике // Баранов В.М. (ред.). Проблемы юридической техники. Нижний Новгород: Юридическая техника, 2000. С. 323-330.
3. Баранов В.М. Стратегия законотворчества современной России: понятие, технико-юридическое оформление, эффективность реализации // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 29-45.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая № 51-ФЗ (редакция, действующая с 01.08.2016): принят Гос. Думой 21.10.1994: одобр. Советом Федерации 23.10.2016 // Собрание законодательства Российской Федерации. № 32. Ст. 3301.
5. Гущина Н.А. Система права и система законодательства: соотношение и некоторые перспективы развития // Правоведение. 2003. № 5. С. 198-202.
6. Иеринг Р. Юридическая техника. М.: Статут, 2008. 231 с.
7. Исаенкова О.В. Концепция единого ГПК – от обсуждения к реализации // Вестник гражданского процесса. 2015. № 4. С. 48-62.
8. Исаенкова О.В. О тенденциях унификации гражданского судопроизводства России // Актуальные проблемы развития гражданского права и процесса на современном этапе: материалы ... конференции. Краснодар: Юг, 2015. С. 81-85.
9. Капустина М.А. Интерес, субъективное право, юридический институт: определение основных теоретико-методологических проблем теории права и государства в трудах Г.В. Мальцева // Юридическая мысль. 2014. № 4(84). С. 52-60.
10. Капустина М.А. Согласие гражданина на посмертное донорство: юридические презумпции или фикции в правовом регулировании отношений по охране здоровья // Петербургский юрист. 2015. № 3(7). С. 135-136.
11. Кропачев Н.М. Уголовная ответственность в механизме уголовно-правового регулирования // Кропачев Н.М., Волженкин Б.В. (ред.). Уголовное право России: Общая часть. СПб.: Ид СПбГУ, 2006. С. 211-218.
12. Лебедев К.К. Предпринимательское и коммерческое право: системные аспекты (предпринимательское и коммерческое право в системе права и законодательства, системе юридических наук и учебных дисциплин). СПб.: Юридический пресс-центр, 2002. 318 с.
13. Малько А.В., Роман Е.А. Исключения в праве и правовые фикции: технико-юридический аспект // Право и управление. XXI век. 2015. № 4. С. 15-19.
14. Мальцев Г.В. О социальной природе юридических институтов // Мальцев Г.В. (ред.). Институционализация в праве. М.: РАГС, 2010. С. 5-23.
15. О трансплантации органов и (или) тканей человека: закон Рос. Федерации от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 23.05.2016) // Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ. № 2. Ст.62.
16. Панько К.К. Юридические фикции в современном российском праве // Баранов В.М. (ред.). Проблемы юридической техники. Нижний Новгород: Юридическая техника, 2000. С. 459-470.
17. Смирнова О.О. О системе документов в регионе в реализации Закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2015. № 2. С. 119-128.
18. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22.11.2001: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 05.12.2001 // Собрание законодательства Российской Федерации. № 52. Ч. 1. Ст. 4921.

Legal regulation and legislative technique: the linguistic methods of formulation of legal rules

Mariya A. Kapustina

PhD in Law, Associate Professor,
Department of theory and history of state and law,
Saint Petersburg State University,
199026, 7 22nd line, Saint-Petersburg, Russian Federation;
e-mail: m.kapustina@spbu.ru

Abstract

Objective. The article deals with the problems of contemporary law-making, the role and importance of linguistic methods of legislative technique in the legal regulation. This problem refers to the subject of legal research in the scope of the theory of law and state. The theme of the work is the technique of legal establishment as an element of the legal regulation system. The author analyzes the technical and legal aspects of the presentation of different types of legal rules. The purpose of the work is to argue that the unified legal regulation is expressed in the set of methods and means of influencing on the subjects of social relations, that is a method of legal regulation, and accordingly in the technique of legal establishment, in particular linguistic formulation techniques of juridical prescriptions.

Methods. Work carried out in the context of the methodology of the systematic approach in the theory of law, which made it possible to overcome the only legal and logical method of research in the field of legislative technique. The research of legal establishment activity in the system of legal regulation provides the unified of law-making of state, the formation of linguistic techniques of legal establishment activity in the context of other (non-legal) science and, in particular, knowledge of the linguistic scientific disciplines.

Results. The article reveals the problems of modern legislative activities, explores the role and importance of language techniques of legislative technique in the system of legal regulation. This issue relates to the subject of legal research in the field of theory of law and state. The results of the research can be applied in the field of legislation and legal establishment activities of public authorities.

Conclusion. The article presents the conclusion that in order to unify the legal regulation within the legal institution and achieve uniformity of linguistic methods of formulating legal regulations legislative technique methods should include general scientific approaches, the system of formal logic methods and constructions, modern linguistic (language) methods and principles of writing of mandatory regulations.

For citation

Kapustina M.A. (2016) Pravovoe regulirovanie i pravoustanovitel'naya tekhnika: yazykovye priemy formulirovaniya yuridicheskikh predpisaniy [Legal regulation and legislative technique: the linguistic methods of formulation of legal rules]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8. pp. 27-38.

Keywords

Theory of law and state, legal regulation, law-making, legislative technique, legal rules, technical legal structure.

References

1. Alekseev S.S. (2001) *Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya* [Ascent to the law. Searches and solutions]. Moscow: Norma Publ.
2. Babaev V.K. (2000) Prezumpstsiy v rossiiskom prave i yuridicheskoi praktike [Presumptions in Russian law and legal practice]. *Problemy yuridicheskoi tekhniki* [Problems of legal technique]. Nizhnii Novgorod: Yuridicheskaya tekhnika Publ., pp. 323–330.
3. Baranov V.M. (2015) Strategiya zakonotvorchestva sovremennoi Rossii: ponyatie, tekhniko-yuridicheskoe oformlenie, effektivnost' realizatsii [Strategy of lawmaking of modern Russia: the concept, technical and legal formalization, the effectiveness of the implementation]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technique], 9, pp. 29–45.
4. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii. Chast' pervaya: feder. Zakon Ros. Federatsii ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 01.08.2016): prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 21.10.1994: odobr. Sovetom Feder. Sobr. Ros. Federatsii 23.10.2016 [Civil Code of the Russian Federation. Part one: Federal Law of the Russian Federation No. 51-FZ of November 30, 1994. The first part (as amended on August 01, 2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF (St. 3301)* [Collection legislation of the Russian Federation (Art. 3301)], 32.
5. Gushchina N.A. (2003) Sistema prava i sistema zakonodatel'stva: sootnoshenie i nekotorye perspektivy razvitiya [Legal system and system of legislation: ratio and some development prospects]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 5, pp. 198–202.
6. Iering R. (2008) *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technique]. Moscow: Statut Publ.
7. Isaenkova O.V. (2015) Kontseptsiya edinogo GPK – ot obsuzhdeniya k realizatsii [The concept of a unified Civil Procedure Code – from discussion to implementation] *Vestnik grazhdanskogo protsesssa* [Herald of Civil Procedure], 4, pp. 48–62.
8. Isaenkova O.V. (2015) O tendentsiyakh unifikatsii grazhdanskogo sudoproizvodstva Rossii [On the trends of unification of Russian civil proceedings]. In: *Aktual'nye problemy razvitiya grazhdanskogo prava i protsesssa na sovremennom etape: mater. konf.* [Actual problems of

- civil law and procedure at the present stage: conference proceedings]. Krasnodar: Yug Publ., pp. 81–85.
9. Kapustina M.A. (2014) *Interes, sub"ektivnoe pravo, yuridicheskii institut: opredelenie osnovnykh teoretiko-metodologicheskikh problem teorii prava i gosudarstva v trudakh G.V. Mal'tseva* [Interest, subjective right, legal institution: the definition of the main theoretical and methodological problems of the theory of law and the state in the works of G.V. Maltsev]. In: *Yuridicheskaya mysl'* [The legal thought], 4(84), pp. 52–60.
 10. Kapustina M.A. (2015) *Soglasie grazhdanina na posmertnoe donorstvo: yuridicheskie prezumpitsii ili fiktsii v pravovom regulirovanii otnoshenii po okhrane zdorov'ya* [Consent to the posthumous donation of a citizen: legal presumption or fiction in the legal regulation of relations on health care]. *Peterburgskii yurist* [Petersburg lawyer], 3(7), pp. 135–136.
 11. Kropachev N.M., Volzhenkin B.V. *Ugolovnaya otvetstvennost' v mekhanizme ugolovno-pravovogo regulirovaniya* [Criminal responsibility in the mechanism of criminal law regulation]. *Ugolovnoe pravo Rossii: Obshchaya chast'* [Russian Criminal Law: General Part]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, pp. 211–218.
 12. Lebedev K.K. (2002) *Predprinimatel'skoe i kommercheskoe pravo: sistemnye aspekty (predprinimatel'skoe i kommercheskoe pravo v sisteme prava i zakonodatel'stva, sisteme yuridicheskikh nauk i uchebnykh distsiplin)* [Business and commercial law: systemic aspects (business and commercial law in the legal system and legislation, system of juridical science and educational disciplines)]. Saint Petersburg: Yuridicheskii press-tsentr Publ.
 13. Mal'ko A.V., Roman E.A. (2015) *Isklyucheniya v prave i pravovye fiktsii: tekhniko-yuridicheskii aspekt* [Exceptions to the law and legal fictions: technical and legal aspect] *Pravo i upravlenie. XXI vek* [Law and Management. XXI century], 4, pp. 15–19.
 14. Mal'tsev G.V. (2010) *O sotsial'noi prirode yuridicheskikh institutov* [On the social nature of legal institutions]. *Institutsionalizatsiya v prave* [The institutionalization of law]. Moscow: RAGS Publ., pp. 5–23.
 15. *O transplantatsii organov i (ili) tkanei cheloveka: zakon Ros. Federatsii ot 22.12.1992 № 4180-1 (red. ot 23.05.2016)* [On transplantation of organs and (or) human tissue: Law of the Russian Federation No. 4180-1 of December 22, 1992 (as amended on May 23, 2016)]. *Vedomosti s"ezda ND RF i VS RF (St. 62)* [Bulletin of the Congress of the peoples' deputies of Russian Federation and the Armed Forces of Russian Federation (Art. 62)], 2.
 16. Pan'ko K.K. (2000) *Yuridicheskie fiktsii v sovremennom rossiiskom prave* [Legal fictions in the contemporary Russian law]. *Problemy yuridicheskoi tekhniki* [Problems of legal technique]. Nizhniy Novgorod: Yuridicheskaya tekhnika Publ., pp. 459–470.
 17. Smirnova O.O. (2015) *O sisteme dokumentov v regione v realizatsii Zakona "O strategicheskom planirovanii v Rossiiskoi Federatsii"* [On the system of documents in the region in the implementation of the Law "On the strategic planning in the Russian Fed-

eration"]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Economics and Management], 2, pp. 119–128.

18. Uголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. Закон Рос. Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22.11.2001: одобрен Советом Федер. Собр. Рос. Федерации 05.12.2001 [Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001]. *Sobranie zakonodatel'stva RF. Chast' pervaya (St. 3301)* [Collection legislation of the Russian Federation. Part two (Art. 4921)], 52.